

12 ДЕК 1958

г. Петропавловск

Газета №

О тех, кого не видит зритель

Хозяйка спектакля

Окончен спектакль, опустел зрительный зал, погашены огни. Нигде, пожалуй, не бывает так тихо и пусто, как в театре после спектакля. Но это обманчивая тишина. Тихо и пусто будет в зрительном зале до следующего вечера, но уже с утра театр вновь заживет хлопотливой, невидимой зрителю жизнью. В скрытых за сценой цехах люди будут готовить декорации, парики, костюмы для очередной постановки. В репетиционном зале режиссер постучит карандашом по столу и бросит актерам неизменное: «Начали!».

У режиссерского столика, сбоку, над потрепанной ученической тетрадкой склонилась невысокого роста неприметная сразу женщина. Она торопливо делает на листках какие-то заметки. И невольно подмечаешь, что все существо ее напряжено, торопится, боится что-то пропустить, потерять, не запомнить. Даже сидя на стуле, она немножко суетится. И чем больше к ней присматриваешься, тем больше симпатий вызывает своей непосредственностью и живостью эта уже немолодая, 35-й сезон работающая в театре женщина. У Марии Павловны Аксеновой хлопотливая должность — помреж, помощник режиссера.

Всем, конечно, известно, что спектакль ставится по пьесе. Многие знают о существовании так называемого режиссерского ее экземпляра, испещренного таинственными для непосвященного человека пометками. Но далеко не все слышали о том, что в процессе работы над постановкой создается еще и сценарий. Это та самая тетрадка, которую мы видели у Марии Павловны. В ней, помимо авторских ремарок, записана самая детальная разработка пьесы: кто, как, в какую дверь, с чем в руках входит, когда возникают всевозможные шумы или музыка, — словом, все, вплоть до самых мелких мелочей. Без сценария помрежу нельзя вести спектакль.

Сценарий — далеко не единственная забота помощника режиссера. Он должен беспокоиться об организации репетиций, об устройстве «выгородок» — временных, условных декораций и о многом другом. Он должен, в соответствии с постановочным планом, давать цехам заказы на бутафорию, костюмы, парики, мебель. Мария Павловна ухитряется, ни

о чем не забывая, заботиться сразу о сотнях самых различных вещей.

Но вот, наконец, спектакль готов. Наступил беспокойный день премьеры. Мария Павловна приходит в театр не за полтора часа, как обычно, а за два—три часа до начала спектакля. Она проверяет, все ли готово в гримировочных, спускается на сцену, где заканчиваются последние приготовления. Помреж волнуется, волнуется не меньше, чем артисты, и волнение это с каждой минутой усиливается. До открытия занавеса остается 45 минут. По правилам все исполнители должны быть в театре. Помощник режиссера, торопливо постукивая каблучками по лестнице, бежит в гримировочные убедиться, все ли на месте. И тут выясняется, что актер, предположим М., опять остался верен своему дурному обыкновению являться в театр за четверть часа до начала спектакля. Мария Павловна знает об этом обыкновении, она уже десятки раз имела с М. «крупный разговор», но в глубине ее души шевелится тревожная мысль: «А вдруг что-нибудь случилось и спектакль сорвется?» Помреж снова несет на сцену и там узнает, что у осветителей что-то перегорело. Попробуйте тут сохранить душевное равновесие!

За пять минут до начала все утрясается. Одетый и загримированный спускается из артистической актер М., осветители устраняют неисправность. Звучит гонг, и режиссер-постановщик поспешно направляется подальше от сцены на балкон: на сегодня он больше ничего не сможет сделать, его присутствие будет только стеснять исполнителей. Хозяином спектакля становится помреж.

У М. П. Аксеновой за 16 лет работы помощником режиссера выработалось то, что называют двойным и тройным вниманием. Она провожает на выход актера: «Письмо не забыли?» (даже представить страшно, если артист, произнеся на сцене «вам письмо», начнет растерянно хлопать себя по пустым карманам), одновременно прислушивается к тексту и сверяется со сценарием, не пора ли дать звонок или «шум проходящего поезда». Обычно все обходится благополучно, но помреж, как это подчеркивал еще К. С. Станиславский, обязан обладать находчивостью, чтобы предотвратить возможную случайность. Как-то Мария Павловна после открытия занавеса с ужасом обнаружила, что на сцене нет скамейки. Без нее нарушалась мизансцена. Аксенова глазами указала

готовившемуся к выходу артисту на стоявшую за кулисами злополучную скамейку. Тот внес скамью на сцену, не нарушив действия. Зрители даже не заметили «накладку».

Это, пожалуй, единственная за последние годы оплошность Аксеновой, о которой если в театре кто и вспоминает, так это сам помреж.

...Мы беседовали с Марией Павловной во время репетиции, когда режиссер повторял одну сцену, и помреж на четверть часа могла отлучиться. По коридору издали доносились голоса исполнителей. Мария Павловна рассказывала о своей прежней работе актрисы и, казалось, была увлечена. Неожиданно Аксенова забеспокоилась:

— Мне пора: начали новую сцену. Пришлось проститься. Корреспондента подвело «двойное внимание», выработанное Марией Павловной — человеком едва ли не самой беспокойной, но очень важной театральной профессии.

Г. ШАМОВ.

